

Защищая Мухаммада в период модерна

Нотр-Дам: Издательство Университета Нотр-Дам, 2020. 506 стр.

ШЕРАЛИ ТАРИН (SHERALI TAREEN)

Перевод: Адиля Юлгушева

«Защищая Мухаммада в период модерна» составляет глубокий, сильный и хорошо обоснованный нарратив, окружающий один из ключевых дискурсов, относящихся к суннитскому исламу: непрекращающиеся дебаты между традициями деобанди и барелви в Южной Азии. Эти традиции существуют там с XVIII–XIX вв. и остаются весьма актуальными и сегодня. Этот текст исследует и объясняет постоянно меняющуюся динамику этих нормативных ориентаций на Индийском субконтиненте. Повествование Тарина разворачивается в переходное время, когда мусульманское/могольское правление находится в упадке, а британский колониализм начинает укореняться, поэтому он фокусируется на дискурсе, имеющем место в то время.

В своем повествовании Тарин особо подчеркивает вопросы права, политической теологии, нормативности и ритуальных практик. Одной из ключевых идей, окружающих ритуальную практику, является празднование дня рождения Пророка, которое остается сегодня показательной проблемой. (Я бы сказал, что она часто служит отвлечением от реальных проблем/дискурсов между двумя традициями.) Дискуссия Тарина, по сути, направлена на два этапа дебатов деобанди-барелви.

Первые дебаты имели место в начале XIX в. между Фазл-Хакком Хайарабади (1796–1861) и Шах Мухаммадом Исмаилом

(1779–1831). Эти дебаты главным образом вращались вокруг трех основных тем, включавших заступничество Пророка (*шафа'ат*), способность Бога ко лжи (*имкан-и-кизб*) и создание другого пророка после последнего пророка Мухаммада (*имкан-и-инзир*). Даже несмотря на то, что в Коране и других исламских источниках присутствует упоминание заступничества пророка Мухаммада, рамки этого заступничества являются предметом серьезных споров. Согласно Исма'илу, Пророк имел ограниченную способность ходатайствовать за грешников, поскольку, если бы он имел более высокую способность ходатайствовать, то это подорвало бы верховную власть Бога и в конечном счете привело бы к ереси среди людей. Хайарабади рассматривал это как оскорбление Пророка.

По вопросу о возможности другого пророка, согласно Исма'илу, поскольку Бог располагает неограниченными возможностями, Он вполне мог бы создать исключение. В «*Таквийат ал-Иман*» Исма'ил делает весьма противоречивое заявление, что Бог является настолько могущественным, что только благодаря произнесению «Будь» Он мог бы создать миллионы новых пророков, ангелов, святых, Мухаммадов и т. д. Конечно, это повлекло за собой ответ от Хайарабади. В своей книге «*Такрир-и-итирразатбар Таквийат ал-Ислам*» он утверждал, что в соответствии с аргументацией Исма'ила, Бог мог солгать и нарушить свое обещание о завершающем характере пророчества Мухаммада. Поскольку ложь является пороком, она не может быть приписана Богу. Тогда в своем труде «*Йак Роза*» Исма'ил однозначно заявил, что Бог обладает способностью лгать и нарушать свое обещание, потому что Бог, несомненно, может делать все, что могут человеческие существа. Высказывание, что Бог не может лгать для Исма'ила было, по сути, равносильно утверждению, что способности человеческих существ могут превосходить божественные, чего быть не может. Далее он проводит различие между возможностью (*имкан*) и действительностью (*вуку*), что означает, что, хотя Бог и способен совершить подобное, Он никогда не сделает этого. По его мнению, это не лежит за пределами возможностей Бога, но является в некоторой степени невозможным, потому что Он не будет их реализовывать.

Второй этап этих дебатов деобанди/барелви имел место между двумя известными учеными конца XIX – начала XX в.: Ашраф Али Тханави (1863–1943) и Ахмад Раза Хан Барелви (1856–1921). Дискуссия была сосредоточена на пророческом знании невидимого или сокровенного мира, а также на риту-

альных практиках. Большинство обсуждений в этом случае касалось пределов Сунны Пророка и того, что составляет превышение/нарушение этих пределов. Эти расширения Сунны привели к нововведениям (*бид'а*), которые рассматривались как своего рода соперничество с суверенным законодательством Бога.

Основной проблемой для религиозных ученых на индийском субконтиненте было проникновение местных обычаев в Божественные постановления (*шари'а*). Школа мысли деобанди, в частности, была обеспокоена тем фактом, что дозволенные (*мубах*), казалось бы, духовно вознаграждаемые, акты поклонения объединятся с обязательными актами поклонения, что привело бы к путанице среди народных масс, которые могут рассматривать эти дополнительные акты поклонения как обязательную практику и отвлечься от своих основных обязанностей. Более того, деобанди считали, что существует возможность слияния грехов с этими дозволенными практиками, что было бы еще более проблематично, поскольку люди грешили бы под видом религии. Согласно Али Тханави, обычная практика чтения суры «Ал-Фатиха» в наши дни утратила свою истинную сущность и приняла форму *бид'а*, которая совершалась для послания благословений умершему путем кормления бедных, общины в целом и родственников покойного.

Праздновать день рождения Пророка (*мавлид*), вставать в его честь и высказывать ему приветствия – все это деобанди считают новшеством. Они верят, что Пророк не может появляться на нескольких торжествах одновременно, и что это было бы равносильно предоставлению ему некоего божественного статуса. Более того, это способность, которую они приписывали сатане и ангелам, но не Пророку. С другой стороны, барелви хотели, чтобы эти практики продолжались и просто совершенствовались. Коротко говоря, второй этап дискуссии между школами мысли деобанди и барелви также обеспечивает содержательную основу для многих современных фетв.

Книга досконально объясняет, как две группы по-разному воспринимали аспекты существования Пророка. Для деобанди совершенство Пророка заключалось в его безупречных морально-этических качествах, но он по-прежнему считался человеком (хотя и тем, кто был избран Богом для получения Божественного откровения). Барелви, с другой стороны, рассматривали Пророка как совершенную сущность, обладающую качествами, которые обычный человек не может заключать в себе, и, проще говоря, как лучшее творение. Нынешние пред-

ставления, касающиеся и богохульства, и почитания его, подвержены влиянию этих различных точек зрения и исходят из них. Эти разногласия стали еще более явными в мусульманском мире сегодня.

Еще одна интересная и весьма актуальная тема, обсуждаемая в книге, – суфизм и то, как он обратил на себя внимание, в особенности после 11 сентября. Тарин ясно развеивает ложные бинарные оппозиции, которые устанавливались между суфийским исламом (который считается гораздо более мирным и дружелюбным, далеким от шариата) и некоторыми другими течениями ислама, такими как деобанди, ваххабиты и ахл-ихадис, которые якобы в большей степени сосредоточены на соблюдении шариата. Была предпринята попытка содействовать суфийскому исламу из-за его предполагаемого отхода от шариата; на Западе он воспринимается как хороший ислам, в то время как ощущается потребность в подавлении других групп за соблюдение шариата. Несмотря на то, что внутри всех этих групп может быть много различий в интерпретациях, они все же могут быть не полностью такими, как они изображены. Суфийский ислам неотделим от шариата. Суфии не отрицают исламский закон, а просто рассматривают его как первую ступеньку лестницы к более высокому духовному пути.

Для Тарина является критически важным контекстуализировать дебаты как последних нескольких столетий, так и наших дней. С падением Империи Великих Моголов и ростом западного влияния мусульмане в Южной Азии переживали кризис идентичности. Эти дебаты деобанди–барелви были для них способом реализовать свою агентивность и осуждать новые светские нормы, которые культивировались на их родных землях. Представление Тарином этого затруднения можно рассматривать как такое, которое не только создает интеллектуально стимулирующее повествование об этой исторической траектории, но и открывает новый ряд проблем, требующих более серьезного исследования. История, которая открывается читателю, выходит за рамки упрощенных бинарных оппозиций, таких как правовой/мистический и реформистский/традиционный. Эта контекстуализация помогает читателю понять религию и идентичность в колониальные времена, а также в современном исламе. Она также объясняет, как дискурсы, связанные с религией, щедро конструируются мусульманскими учеными. Действительно, основной мотив заключается в том, что аналитические рамки, основанные на определенных концепциях секулярного либерализма, часто являются бесполезными при чтении и восприятии

этих дебатов в сфере «священного мусульманского», или религии, как она понимается последователями. Тарин подробно обсуждает различные стратегии, используемые мусульманскими учеными, чтобы убедительно продвигать свои взгляды на фоне британского империализма и евроцентристских телеологических/эпистемологических предположений и идеологий, которые его сопровождали.

Книга не только представляет контекст, который послужил поводом для этих дебатов, но и дает представление о всеобъемлющих темах современного ислама, о наследии Пророка в настоящее время, политическом богословии в Южной Азии, религии и колониализме, а также о дебатах в рамках мусульманских нормативных ориентаций. Книга Тарина «Защищая Мухаммада в период модерна» — это тщательно проведенное и хорошо написанное исследование, являющееся монументальным вкладом в научную литературу о религиозном конструировании во время колониализма в Южной Азии. В книге обильно и скрупулезно используются источники на персидском, урду и арабском языках. Вместе с тем выразительный и методичный язык произведения делает его доступным как для неспециалистов, так и для специалистов. Книга содержит последовательное и сильное повествование на протяжении всего текста с достаточным количеством слоев, споров и интригующих исторических сложностей, чтобы глубоко заинтересовать любого читателя.

ДЖУНАЙД АХМАД
НЕЗАВИСИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

doi: 10.35632/ajis.v38i1--2.3395